

Создание виртуального образа реальных катастроф

Как визуализировать виртуальный образ катастроф? Моделью нам послужит обычный киндер-сюрприз. Исследуем яйцо, используя в качестве ключевого понятия симулякр, слегка адаптировав его к предмету исследования. Почему симулякры? Потому что их социальная роль — "создавать замещение реальных предметов и явлений там, где они недоступны или малодоступны человеческому восприятию". Много ли людей пережили цунами, землетрясение, побывали на войне? К счастью, нет.

Жан Бодрияр¹ выделял 4 вида симулякров²:

- 1) Символ, отражающий сущностную характеристику реальности;
- 2) Символ, маскирующий и искажающий сущность реальности;
- 3) Символ, скрывающий отсутствие сущности реальности;
- 4) Не соотносящийся с реальностью вообще, представляющий лишь подобие или видимость чего-либо.

С последнего вида и начнем. Вот наше яйцо. Разноцветная фольга, в которую оно завернуто, является симулякром 4 вида, т.е. упаковка не соотносится никоим образом с реальностью, представляет собой лишь видимость, подобие катастрофы.

Иллюстрация сказанного: ситуация, так и оставшаяся без оценки — погром на Манежной площади, который устроили футбольные фанаты после проигрыша российской сборной на чемпионате мира по футболу, когда 49 человек оказалось в больнице, а 17-летний выпускник средней школы погиб. Что за видимостью этой катастрофы? МВД³ расценило как провокацию показ на больших мониторах рекламного ролика, в котором персонаж крушит капот автомобиля. Но в конечном итоге нашли «виноватого», им оказался инженер, отвечающий за трансляцию, а вслед за этим было сделано заявление, которое можно считать за официальное мнение: Москва от уличных мониторов отказываться не будет, потому что они приносят

¹ Бодрияр Ж. "Войны в Заливе не было" (La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu, 1991).

² От лат. *simulo*, "делать вид, притворяться" — "копия", не имеющая оригинала в реальности.

³ Интервью зам. министра МВД В. Васильева, начальника ГУВД В. Пронина в ИП "Время" на ОРТ 10 июня 2002 г.

большие доходы. Но ведь не в мониторах суть, а в содержании того, что на них транслируется.

Итак, содрав фольгу, мы натываемся на толстый слой шоколада. Откуда он тут? Не слишком ли притянут такой образ? Пожалуй, нет. Это симулякр 3 вида. Он скрывает отсутствие сущности реальности катастрофы. Почему отсутствие? Да потому что и действительно под толстым слоем шоколада не обязательно будет еще что-то. Почему бы не виртуализировать надуманную катастрофу?

Иллюстрация сказанного: нагнетание обстановки накануне дня рождения Гитлера. Сообщения о реальных бесчинствах скинхедов перемежаются с «анонсом» готовящихся выступлений. Когда в «назначенный» СМИ день массовых волнений не произошло, срок, подобно концу света, был перенесен вновь. Например, "Московский комсомолец"⁴ срочно опубликовал сообщение о том, что неофашисты и не собирались выступать в день рождения Гитлера, выступление переносится на 30 апреля, а корреспондент, "завербованная" в их ряды и побывавшая на тренировке скинхедов в здании омона, написала подробный репортаж, чему и как учат в гитлер-югенде.

Но предположим, шоколад растаял, съеден или просто испорчен так же, как и "медовый месяц" любителей "страшилок" сменился депрессией. Зато нам открылся пластмассовый кокон, он же симулякр 2 вида, маскирующий, скрывающий сущность. Этот футляр — символ той ситуационной клаустрофобии, в которую попадает человек, переживший катастрофу.

Иллюстрация сказанного: теракт в Каспийске⁵ во время Парада победы. Первым о трагедии сообщил канал НТВ, прервав фильм. Страна узнала от корреспондента, передавшего по телефону, о том, что в воздухе распространился "жуткий запах крови"⁶... Затем — первый спецвыпуск на канале РТР⁷: репортаж с места события, асфальт с пятнами крови, вещдоки, кадры с носилками, кадры из Кремля, снова репортаж, оценка президента. Следующий выпуск — калейдоскоп кадров из операционной... В этот же день канал Euro News дал динамичную и информативно емкую подборку кадров - пятна крови, один из раненых, Путин, парад, военные в Чечне — сообщив, что "Россия оплакивает погибших в Каспийске в День Победы"⁸.

⁴ Московский комсомолец, 27 апреля 2002 г.

⁵ 9 мая 2002 г.

⁶ НТВ, спецвыпуск, 9 мая 2002 г.

⁷ РТР, спецвыпуск, 9 мая 2002 г.

⁸ Euronews, 10 мая 2002 г.

Почему же отечественная тележурналистика сосредоточилась лишь на "запахе крови"? Потому что не модно быть патриотичными? Потому что приучены отвечать за слово только под гнетом цензуры?

Но вернемся к нашей модели. Только открыв футляр, что само по себе не так уж и просто, мы увидим, какой символ скрывается под этой желтой оболочкой. Он и есть симулякр 1 вида, отражающий сущностную характеристику катастрофической реальности. Но как донести один и тот же виртуальный образ для непосвященного читателя или зрителя, для очевидца и для пострадавшего?

Иллюстрация сказанного: то, как был сведен на нет эффект достаточно объективного, взвешенного репортажа о землетрясении в Дагестане, над которым висел довольно-таки серьезный сейсмический прогноз. Но при подготовке публикации, материал был снабжен заголовком "Ужас землетрясения" и снимком, под которым значилась подпись: "После землетрясения в Нефтегорске (Сахалинская обл.)". На фотографии два человека на фоне руин сколачивали гроб⁹.

Для тех, кто там был, катастрофа сравнима с яйцом, в котором под натиском обстоятельств лопнула и фольга, и шоколадная оболочка. Они видят то, что заключено внутри (я предлагаю этот образ считать симулякром 5 вида. Назовем его идентификационным. Надеюсь Бодриар не обиделся бы).

Опыт, добытый в эпицентре катастрофы, делает человека осмотрительнее. Тот, кто находится извне, являясь очевидцем, не проецирует катастрофу на себя и приобретает "периферийный" опыт (тот самый толстый-толстый слой шоколада), который учит недооценивать опасность. Подобно двум рыбакам, наблюдавшим Чернобыльскую катастрофу с другого берега. Они схватили по 400 мкр, потому что не проецировали катастрофу на себя. Для них она была зрелищем.

Люди, включившие телевизор или просматривающие новости в интернете, или листающие газету — о катастрофе судят только по оболочке, по той виртуальной фольге, в которую упаковывается катастрофическая информация масс-медиа.

"Фольгированная" виртуализация образов катастроф приводит сознание к фрагментации, который нагляднее всего представить на образчиках телевизионных клипов, когда не только зрительные образы, но и нравственные ценности, культура, свод знаний представляют собой случайное, плохо структурированные и ничем не связанные между собой "клипы".

⁹ Аргументы и Факты, №9, 1999 г.

Вспомним февраль 1999 г. Самара хоронит 71 человека, сгоревшего заживо в здании УВД. Десятки закрытых гробов. Телеканал РТР ведет прямую трансляцию из центрального кинозала "Россия". Надежда Бабкина лихо отплясывает под ручку с Юрием Лужковым, распевая озорные частушки про его грядущее президентство. "Юбилей в кругу друзей". В Самаре в это время тысячи людей только что сели за поминальный стол.

Неужели нельзя иначе, не кошунствуя? Можно. Когда умер Владимир Высоцкий, у Аллы Пугачевой тоже был бенефис. Она вышла на сцену и без пустопорожних речей начала свой концерт с его песни про беду. "С той поры беда ищет по свету меня...".

Кстати, в Самаре в день похорон Растропович и Вишневская прилетели на репетицию в местный театр. И вместо этого они стояли на панихиде, два старичка, взявшись за руки. Это тоже виртуализации образа катастрофы, чужой беды. Только не растиражированная СМИ.

Когда в Вильнюсе танки давили людей, а телевидению было велено молчать, в программе "Утро" на ОРТ звучала пронзительно-трепетная музыка. Не сказав ни слова, телевизионщики сказали стране все. Была выбрана верная тональность. Все всё поняли. Не дураки.

И еще один трагичный пример, который я бы назвала классикой мозаичного жанра. Утром 9 сентября 1999 г. службы новостей всех телеканалов передали сообщение о теракте в Москве, в Печатниках. Страна прильнула к телеэкранам. Выворачивающие душу наизнанку репортажи с места взрыва чередуются с хохочущей над новым фруктовым «Диролом» Кристиной Орбакайте. Рыдания мальчика над матерью, раздавленной в завале бетонной плитой, сменяются игровым весельем Людмилы Целиковской. Покойная актриса не виновата, что ее 80-летие отметили на телевидении таким чудовищным образом. Это просто традиция: юбилеи и бенефисы должны состояться несмотря ни на что. На РТР, который является государственным каналом, руководство призналось в том, что после теракта 9 сентября они растерялись, окаменели вместе со всей страной, но переверстать программу не рискнули, ведь решение о дне траура принимает правительство.

И действительно, 13 сентября 1999 г. в день траура все телеканалы (за исключением СТС, продолжавшего транслировать бесконечные сериалы) впали в другую крайность, полярную неуместному веселью: пустили тематические программы "под трагедию".

Надрывная классическая музыка чередовалась с калейдоскопом растерзанных взрывами тел. В страшный "тройной" траурный понедельник 13 сентября 1999 г. особенно поразил документальный фильм про спасателей

на ОРТ. Снятый профессионально и, казалось бы, уместный в трагические дни, фильм документальными кадрами недавних трагедий окончательно расшатал и без того расшатанные нервы. Существует ли компромисс между истерическим хохотанием и нагнетанием трагичности?

Существует. Канал MTV, почти не меняя своей обычной программы, состоящей из музыкальных клипов, периодически перекрывал экран заставкой: на черном фоне всего два слова: "БУДЕМ ЖИТЬ". Лекарства от чрезвычайных ситуаций испытаны временем: надежда, вера, воля к победе и любовь к жизни.

Правда, "с тех пор пришли другие времена..." Исчезновение рекламы после катастрофического 1999 года является таким же символическим действием, как на советском телевидении трансляция "Лебединого озера". А на мониторах на Тверской Правительство Москвы грозитя под Новый год транслировать исключительно стихи Пушкина о зиме.

П. Вирилио¹⁰ однажды назвал телевидение "музеем катастроф". Сегодня мы все оказались внутри этого музея. И это само по себе тоже катастрофа реального.

Человек живет в двух мирах — в мире внешнем и в мире внутреннем. Когда дестабилизирован катастрофой внешний мир, тогда возрастает потребность в гармонизации внутреннего мира. Даже современный рассудочный человек имеет потребность во внушении.

В обычные, "некритические" дни телевизор заменяет Большой театр, стадион "Лужники", кинотеатр "Кодак-Киномир", секс-шоп и публичную библиотеку вместе взятые. В дни трагедии и катастроф телевизор превращается в окошко рецептурного отдела и дверь в учительскую. От верно выбранной интонации зависит, как начнет страна день после катастрофы: паникой, инфарктным унынием, тупым равнодушием или единением и состраданием. Это и есть информационное управление страной.

Самый эффективный метод информационного управления — соединение рекламы (фикции, вымысла) с «объективным» информативным телерепортажем с места событий (создание "спектакля" по созданному сценарию).

Против обеих этих вещей в отдельности может устоять человеческое сознание, но оно незащищено против их комбинации.

В общей сложности на российском телевидении приходится в среднем 167 рекламных сюжетов в час.

¹⁰ Вирилио П. Музей катастроф. //CTHEORY, 10/1994; [www. Dux.ru/festival/viril.htm](http://www.Dux.ru/festival/viril.htm).

Трансляция сцен насилия, эротики, "катастрофизма" достаточно четко соответствует дневному и недельному жизненному циклу.

Если иметь в виду, что на вечерние часы приходится наиболее интенсивная трансляция насилия, агрессии, эротики и "катастрофизма", то, во-первых, это является особой "техникой" встраивания этих сцен в фазу подготовки ко сну, что приводит к проработке в сновидениях личностных образцов и поведенческих моделей, воспринятых с телеэкрана. Иными словами, эта информация усваивается телезрителями на подсознательном уровне, особенно если сцены насилия, агрессии, эротики и "катастрофизма" представлены в художественной форме (каждая вторая сцена транслируется через художественные фильмы)¹¹.

Лучшая иллюстрация тому — рядовой сюжет программы "Очевидец"¹², в котором парашютист падает на спину и ломает шею. Чтобы телезрители прочувствовали весь ужас случившегося, сюжет повторяется "на бис". Затем появляется радостный ведущий с вопросом: "Ну что, адреналин вырабатывается?".

Наверняка, эти кадры попали на RenTV, обойдя до этого пару десятков зарубежных каналов. Это обычная практика, да и сама информация приходит к журналисту, будучи "сэкэнд хэндом". Во время второй чеченской войны фронтовой репортер взял с собой в командировку 22-летнего стажера. Но, не рискнув взять с собой в боевую обстановку, оставил его на перевалочной базе в Моздоке, где военнотружущие ждали самолета на "большую землю". Стажер так и не увидел войны, но этих рассказов ему хватило для того, чтобы вернувшись в Москву написать: «На войне быстро привыкаешь к виду оторванных голов». Второй журналист взял с собой 15-летнего сына. Они жили на той же базе в Моздоке. Но они вместе со спасателями Центроспаса побывали в Грозном и окрестных больницах, детских приютах и домах престарелых. И когда журналист ему показала на разбитые "сушки" на краю аэродрома и въезжающих на бэтээре солдат со словами: "Смотри, это война, сынок". Он ответил: "Нет! Это не война. Война — это те старики и дети". Суть не в том, что у этих двух стажеров были разные морально-этические установки, суть в том, что они видели разные образы одной и той же катастрофы и соответственно по-разному ее виртуализировали в своих материалах. Обе публикации с небольшим разрывом во времени были опубликованы в одном и том же приложении "АиФ" "Я молодой". Таким

¹¹ См. *Собкин В., Кузнецова Н.* Трансляция моделей полового поведения в СМИ. // Основы безопасности жизни. №11, ноябрь 1999. — С. 40-44.

¹² Ren-TV, программа "Очевидец", 28 апреля 2002 г.

образом, читателя никто не лишил выбора. Ему пришлось, как и авторам, сделать свой выбор, какой из виртуальных образов катастрофы ему ближе.

В первую чеченскую компанию в России так называемая "чеченская тематика" занимала в программе НТВ от 10 до 18 минут на информационный выпуск, в "Вестях" (информационная программа российского телевидения) от 3 до 7 минут. Причем, у НТВ до 80% всех видеосъемок непосредственно боевых действий велись со стороны чеченских боевиков или использовались съемки, снятые со стороны сепаратистов. А что потом? Потом была вторая чеченская...

Информационное управление имеет огромное значение не только с точки зрения национальной безопасности, но и с позиций личной безопасности. Оно определяет, как будет вести себя "человек из толпы" в чрезвычайной ситуации.

Даже в эпицентре крупных природных и техногенных катастроф, "обычная" паника, вспыхивающая очагами, охватывает не более 10% людей. Скрытая информационная паника, на взгляд автора, формирует фрустрационное сознание.

Какая шкала ценностей формируется у тех, кто знаком с конкретной трагедии благодаря масс-медиа и у тех, кто был в гуще событий?

При ранжировании причин посттравматического стресса 1) слухи и 2) неадекватная запросам людей работа СМИ — являются, по оценке респондентов, наиболее стрессогенными, а точнее теми факторами, которые усугубляют остроту и тяжесть всех остальных, подчеркивая их значимость.

Это объясняется тем, что восприятие человеком всех остальных факторов усваивается опосредованно, проходя "фильтрацию" либо через СМИ, либо через слухи. Ведь переживший беду человек, осознанно или неосознанно ищет отзвук своих мыслей и чувств.

"Кривой страха" в равной мере способствует и увеличение распространения слухов, и увеличение тенденциозных публикаций в СМИ, которые порой основываются на тех же слухах или, более того, порождают новую волну слухов.

В то же время замалчивание проблемы в СМИ тоже в свою очередь способствует распространению слухов, которые заполняют информационный вакуум.

Информационная безопасность как интеллектуальная и этическая сила обязана принять на себя "защитные функции по отношению к человеку и его

духовному миру"¹³. А для этого она должна ею стать.

Так срывать фольгу или нет? Решать читателю, зрителю, слушателю. А что будет с теми, для кого катастрофа — лопнувшее яйцо? Те, кто идентифицировал катастрофу, отделив ее от виртуального образа, обречены, как Алиса в стране чудес, падать в черный колодец чужого человеческого горя.

Так стоит ли? Может, лучше проковырять в фольге дырочку, откусить кусочек шоколада и — спасибо виртуальности?

¹³ *Пергаменчик Л. А.* Список Робинзона. // Психология экстремальных ситуаций. - Мн., 1999.